

А. Р. Павлушков, Вологда

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМЫ МОНАСТЫРСКОЙ ССЫЛКИ XVIII - XIX вв.

Использование монастырей в качестве мест наказания по-прежнему является предметом научного исследования для историков. Во многом этот интерес связан с тем, что в орбиту изучения включаются новые источники местного значения, которые дают возможность выявить не только специфику практики монастырской ссылки, но и посмотреть на эту проблему в общегосударственном масштабе.

В данной статье делается попытка обозначить некоторые общие и особенные аспекты региональных источников в освещении истории монастырской ссылки. При этом понятие «региональный источник» нуждается в уточнении в силу его возможно свободного толкования¹. Оно несколько шире, чем понятие «местный источник», так как может включать в себя документы инстанций, относящихся к различным территориально-административным образованиям, входящим в состав более крупных. Так, многие источники духовного и гражданского ведомства (например, решения духовных и гражданских правлений) можно рассматривать и как региональные (например, в рамках Вологодского края). Они имеют много общего между собой и в то же время в чем-то отличаются от аналогичных документов других регионов. Причем речь идет больше не о внешней стороне (разборчивость почерка, каллиграфия, сохранность), а о самом содержании документов: полноте информации о ссыльных, взаимодействии с другими учреждениями, новизне, редкости, важности и т. д. В данном случае предметом изучения являются

письменные источники разнородной направленности: текущие и годовые отчеты настоятелей монастырей и благочинных, материалы следственных дел, делопроизводственные документы (рапорты, распоряжения, донесения, предписания), межведомственная переписка (отношения, ходатайства, промемории, запросы, сообщения) по вопросам режима содержания, доставки, перевода или освобождения ссыльных, а также специфические и редкие документы: письма ссыльных, отпускные билеты, материалы некоторых следственных дел. Большая часть этих документов представлена как в местных фондах монастырей, консисторий, духовных и губернских правлений, так и в фондах центральных органов власти гражданского и духовного ведомства (Сената, Синода, МВД) по конкретным случаям ссылки.

Таким образом, в понятие «региональный источник» может входить целая группа местных источников, принадлежащих различным инстанциям и дающих общее представление об использовании монастырской ссылки в конкретном регионе. В данном случае таковыми являются территории Вологодской, Архангельской, Новгородской и частично Ярославской губерний, входящих в северо-западную и центральную часть России.

Попытаемся первоначально отразить общие черты региональных источников, касающихся монастырской ссылки. Условно их можно подразделить на прямые и косвенные. Первые дают открытую информацию о ссыльных. Это приговоры судов о назначении ссылки, сопроводительные записки, квартальные рапорты настоятелей о поведении ссыльных. Они встречаются практически везде. Косвенные документы напрямую не относятся к монастырской ссылке, однако, могут давать побочную, ценную информацию об ее отдельных сторонах. Это важно, так как нормативно-правовая база по содержанию ссыльных в монастырях до конца не была разработана и в большинстве случаев определялась индивидуально. Кроме того, становится возможным иметь более точный статистический материал. Например, во всех монастырских фондах встречаются такие документы, как: «Ведомости о монашествующих», «Послужные списки братии монастыря...», которые дают общие сведения о духовных лицах, проживающих в монастыре. В то же время они содержат графы о поведении иноков и ранее наложенных на них взысканиях. Именно отсюда мы узнаем, что некоторые духовные лица ссылались и два², и три³, и четыре⁴, и даже пять раз⁵ за определенные правонарушения. Здесь же указываются место и срок наказания. Правда, информация в них носит предельно лаконичный характер.

Весьма ценные документы косвенного характера относятся к деятельности военного и полицейского ведомства по использованию воинских и инвалидных команд в охране ссыльных, а также к решениям консисторий о приписке к монастырям отставных солдат, которые помогали осуществлять контроль за ссыльными. Среди них есть редкие и имеющие уникальный

цифровой материал, который пока больше нигде не выявлен. Так, в фонде Святейшего Синода за 1728 г. найдена справка синодальной Коллегии экономии о содержащихся во всех вологодских монастырях отставных солдатах, из которой видно, что из 50 вологодских монастырей в 17 был размещен 91 отставной солдат. При этом общее количество монашествующих в 50 вологодских обителях равнялось 851.

Необходимо отметить, что видовой перечень региональных источников в своей основе везде сохраняется неизменным, с той лишь разницей, что наряду с общераспространенными обнаруживаются и новые, не встречающиеся в других регионах. Согласно принятой классификации источников⁶, к числу наиболее распространенных документов по проблеме монастырской ссылки можно отнести материалы официально-документального делопроизводства, судебно-следственные дела и межведомственную переписку. Например, практически везде в фондах консистории можно найти справки и предписания МВД по надзору за отдельными ссыльными, сопроводительные записки полиции по доставке некоторых преступников или правонарушителей в монастыри. Благодаря своей удаленности и изоляции вологодские и архангельские монастыри гораздо чаще использовались для наказания за важные государственные преступления, а потому такие источники наиболее широко представлены в фондах ГАВО и ГААО.

Отметим, что региональные источники XVIII в. отличаются от источников XIX века. Уже в XVIII столетии были выработаны единые формы составления документов. Все официальные бумаги стали содержать ссылки на вышестоящие органы, появляется регистрация в специальном «журнале входящих и выходящих бумаг», с наиболее важных снимаются копии, ставится дата и подпись. В то же время многие из документов содержат многочисленные сокращения, нарушения правил орфографии⁷. Некоторые из документов написаны с такими ошибками⁸, что при произношении придавали сообщению совершенно иной смысл. Можно обнаружить, что чем ближе к центру, тем документация становится более аккуратной, четкой. Именно это характерно для письменных источников ГАЯО и ГАНО. На протяжении XVIII столетия делопроизводство заметно усложняется, что находит отражение в увеличивающемся объеме бумаг. Переписка между настоятелями и консисторией становится все более активной и основательной. Консистория более строго следит за выполнением текущей отчетности. Практически везде в XVIII в. встречаются ведомости о колодниках и монастырских ссыльных; даже если таковых в монастыре не было, настоятель все равно делал об этом сообщение. В 1789 г. в Велико-Устюгскую консисторию поступили рапорты от настоятелей 8 монастырей, причем в 6 случаях указывалось, что колодников в монастырях нет⁹. В XVIII в. усложняется и пенитенциарная роль монастырей, что подтверждается многочисленными документами. В определенной степени наказание

становится более гибким. Применяется как досрочное освобождение за хорошее поведение¹⁰, так и ужесточение наказания по причине плохого поведения ссыльного (перевод в другой монастырь, «содержание на хлебе и воде»¹¹, физическое воздействие¹²); предусматривается отчетность духовников о поведении ссыльных¹³; консистория прислушивается к мнению общественности при вынесении приговора о ссылке, особенно, когда наказание назначалось за плохое поведение и с мест поступали коллективные жалобы¹⁴. Субъектами воспитательной работы становятся семья и близкие родственники ссыльных. В Новгородском областном архиве обнаружен любопытный документ «Доношение настоятелей о принятых мерах для содержания в монастырских трудах священнослужителей и их родственников»¹⁵. В нем говорится, что в 1753 г. за прелюбодеяние с дьячком была сослана в Новгородский Вяжищеский монастырь поповская дочь. По решению консистории сопровождать ее и находиться вместе с ней в ссылке должен был ее отец. Ему предписывалось наблюдать за поведением дочери и способствовать ее исправлению. По всей видимости, это было одновременно и своеобразной формой наказания родителя за плохое воспитание детей. В других регионах подобная мера воздействия стала практиковаться значительно позже¹⁶.

В XVIII в. многочисленные документы по отдельным ссыльным объединяются в самостоятельные дела, благодаря чему стало возможным проследить механизм ссылки от вынесения приговора до освобождения лица¹⁷. Помимо рапортов о поведении ссыльных в делах содержатся судебно-следственные материалы (копии допросов, свидетельские показания, решения судов, ходатайства обвиняемых) и промемории - разновидность документов, которыми сносились равные по положению учреждения XVIII в¹⁸. Очевидно, что консистория входит в устойчивые отношения с гражданскими учреждениями (например, городскими провинциальными канцеляриями) по делам ссыльных. Чаще всего речь идет об уголовных преступлениях духовных лиц, рассмотрение которых входило в компетенцию светских судов и которые выносили приговор о ссылке в монастырь¹⁹, или о случаях бегства ссыльных из монастырей²⁰, когда поиском арестантов занимались государственные органы.

Важно и то, что в XVIII в. оформляются официальные сношения между Новгородской, Архангельской и Вологодской консисториями по фактам ссылки отдельных лиц в монастыри других регионов. Например, в 1751 г. крестьянина Ф. Семенова из Олонецкого уезда Архангельской губернии сослали в Новгородский Вяжищеский монастырь²¹. Еще раньше, в 1748 г. в тот же монастырь был сослан дьякон Е. Семенов из Олонецкого уезда за кражу и провел там шесть лет²².

Таким образом, в XVIII в. повсеместно складывается общая система отчетности по ссыльным, соответствующее делопроизводство становится

неотъемлемой частью инстанций всех уровней, появляются устойчивые связи между консисториями и ведомствами в практике применения монастырской ссылки. Однако отчетность по ссылным носила нерегулярный характер, о чем постоянно напоминают Синод и правления консисторий в своих обращениях.

В XIX - начале XX вв. не только возрастает количество источников, не только меняется их содержание, но и появляются новые формуляры документов, способы отправки. Все это требует изменения методики исследовательской работы над источниками²³. Большой объем документов вызывает определенные трудности при их публикации и систематизации²⁴. Все это было вызвано тем, что, с одной стороны, государство по-прежнему рассматривало монастырь как инструмент карательной политики, а с другой стороны, начинало обновляться правовое поле в применении монастырской ссылки по отношению к духовным и гражданским лицам. Среди новых документов, санкционирующих применение монастырской ссылки, можно назвать: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 10 апреля 1811 г. «Об отсылке духоборцев, не раскаявшихся в своем заблуждении, в Кольскую округу»²⁵, согласно которому все лица женского пола до 15 лет, принадлежащие к сектам, рассылались по женским монастырям; сенатский указ от 28 августа 1815 г. «Об отсылке духовных лиц, совершивших уголовные преступления»²⁶; сенатский указ от 20 февраля 1818 г. «О предавании церковному покаянию преступников ...»²⁷; решение Государственного Совета от 24 апреля 1824 г. «О наказании малолетних преступников за уголовные преступления»²⁸; Высочайше утвержденные «Правила для искоренения преступлений духовными лицами», изданные Святейшим Синодом 22 декабря 1823 г.²⁹; «Устав духовных консисторий» от 24 марта 1841 г.³⁰; «Инструкция благочинным монастырей мужских и женских», принятая в 1864 г.³¹ и многие другие. Расширение нормативной базы привело к тому, что решения о ссылке в монастырь стали сопровождаться экстрактами - документами, в которых обосновывалось применение монастырской ссылки по конкретным статьям церковного и светского права за определенное преступление или правонарушение. Чаще экстракты можно встретить в фондах ГАНУ, реже - в ВУФ ГАВО.

В XIX в. более строгие и законченные формы приобретает отчетность по ссылным. Отдельно стали оформляться ведомости на светских лиц, находящихся в монастырях на епитимии. Такая отчетность составлялась везде, где находились ссылные. При этом в некоторых архивах информация очень подробная и по характеру больше напоминает досье, так как указываются семейное положение, родственники, место жительства, внешние данные, совершенные правонарушения³². Обычно такая информативность возникала

тогда, когда ссыльные совершали новые проступки или бежали из монастырей.

В XIX в. расширяется документация по режиму содержания³³, питания³⁴, доставке³⁵ монастырских ссыльных. Отдельно оговаривался порядок отчетности в кормовых деньгах на содержание в монастырях малолетних преступников³⁶. При отправке ссыльных в монастыри заполняются так называемые «открытые листы» или «именные списки» с подробной информацией о каждом из них. Более системным становится взаимодействие консистории с МВД и полицией. Это вызывает определенную сложность в поисковой работе, так как информация о ссыльных расходуется по различным ведомствам. Обширная отчетность по ссыльным порой создавала затруднения в контроле над ссыльными и приводила к явным издержкам. 17 января 1851 г. Св. Синод принял даже специальное постановление «О сокращении делопроизводства по духовному ведомству», в том числе и по лицам, определенным на епитимью в монастырь³⁷.

Таким образом, в XIX в. значительно расширяется круг источников по использованию монастырей в качестве мест наказания. Они приобретают новые внешние черты (определенная форма отчетности, порядок оформления и отправки документов), меняется и содержательная сторона, активнее становятся связи с другими ведомствами, что находит отражение в официальных бумагах. Эти особенности характерны для всех региональных источников.

Обратимся непосредственно к самим региональным источникам в освещении проблемы монастырской ссылки. Работа с ними позволяет сделать некоторые наблюдения.

Во-первых, все региональные архивы в своих арсеналах имеют уникальные документы, в которых описываются случаи ссылки в монастырь, и аналогов которым нет в других местах. В Новгородском областном архиве найдены интересные факты о ссылке учителя - иеромонаха Иовы за «брань и ругань детей»³⁸; княгини Арины Волконской, определенной в 1750 г. в Тихвинский Введенский монастырь «за предрзости и вины для неисходного содержания»³⁹; семинариста за уклонение от учебы в 1750 г.⁴⁰; иеродьякона за «самовольное самооскопление»⁴¹.

В фондах Великоустюгского архива описан случай ссылки в 1886 г. по решению Вологодского окружного суда солдатки с грудным ребенком на 4 месяца в Иоанно-Предтеченский монастырь за кровосмешение⁴². Причем суточное содержание ее было заметно увеличено. Там же обнаружен документ о ссылке в 1780 г. статской советницы Веревкиной по подозрению в убийстве мужа⁴³. При ссылке вместе с ней находилось пять слуг. Этот документ подтверждается и указом Екатерины II⁴⁴.

Необычные случаи ссылки можно найти в фондах ГАВО. Например, одновременная ссылка родственников (отца и сына)⁴⁵; коллективная ссылка

нескольких лиц (в данном случае по приговору было осуждено одновременно 5 человек) «для страха другим»⁴⁶. В распоряжении Вологодской консистории говорится о «ссылке дьячка Алексея Наумова за позволение беглой в кандалах ночевать в своем доме и за непредоставление оной куда следует»⁴⁷. Укрывательство беглых являлось тяжким уголовным преступлением и подлежало ведению гражданского судопроизводства. Поэтому по данному факту шло совместное разбирательство. Земская полиция, проведя собственное расследование, 09.11.1825 г. направила доношение в консисторию, где сообщалось, что «крестьянка Окулина Никитина в кандалах бежала с господских работ. Дьяк Алексей не только дал ей переночевать, но и помог снять кандалы с одной ноги топором»⁴⁸. Сам подсудимый своей вины полностью не признал. Документ интересен тем, что раскрывает специфику взаимоотношений церкви и государства в вопросах дознания при совершении преступлений лицами духовного звания. Очевидно, что духовные власти в этом вопросе не утрачивали свою роль, так как активно вмешивались в ход дела.

О редком случае повествует документ «Арестанты Спасо-Каменского Духова монастыря» за 1850 г., где обозначены три гражданских лица, осужденных за убийства и ересь по решению Святейшего Синода⁴⁹. Уникальность документа заключается в том, что ссылка гражданских лиц за уголовные преступления в данный монастырь больше нигде не встречается, ибо он не был специально предназначен для этого. Однако власти находят смягчающие обстоятельства и направляют ссыльных именно сюда.

Не менее интересные документы можно найти и в ГААО о ссылке в Холмогорский и Соловецкий монастыри князей Толстых⁵⁰, князя Ю. Долгорукого⁵¹, секретных арестантов⁵².

Нетипичные примеры использования монастырской ссылки в качестве меры наказания и средства воздействия подчеркивают, что ей придавалось большое значение в карательной политике государства.

Во-вторых, региональные источники имеют свои особенности в подаче информации. Источники ГАНО отличаются большей скрупулезностью в отличие, например, от вологодских. Они более подробны, дают значительно больше информации о характере монастырской ссылки. Судебно-следственные дела отличаются дотошностью, свидетельские показания берутся с десятка людей⁵³. В новгородских источниках несколько иная форма подачи материала. Если в указах по Вологодской консистории о назначении монастырской ссылки подробно раскрывается следствие, то аналогичные указы Новгородской консистории более лаконичны и, как правило, отделены от следствия. Обращает на себя то обстоятельство, что следственные документы, рассматривавшиеся в Новгородской консистории, объединялись в самостоятельные дела. К ним приобщалось множество документов различных инстанций. В

материалах же следственных дел Вологодской консистории сведения о ссыльных носят более отрывочный характер.

Среди документов ГАНО мало указов о самой ссылке. Большую часть информации мы берем из документов другого рода: ведомостей о колодниках и монашествующих, рапортов и доношений настоятелей. В ГАВО указы консистории о назначении ссылки в монастырь встречаются довольно часто, особенно в отношении священно- и церковнослужителей. Именно из указов мы черпаем основную фактологическую информацию о ссылке в монастыри на Вологодчине.

Материалы ВУФ ГАВО отличает плохая сохранность большинства из них и определенная небрежность в оформлении дел, что порой затрудняет изучение документов.

Документы ГААО выделяются объемностью содержания. Особенно это характерно для документов XIX в. по ссылке лиц за политические и религиозные преступления. Они также объединены в отдельные дела, в которые помимо следственных материалов приобщена межведомственная переписка консистории и МВД.

Интересно и то, что информация о ссылке в вологодские монастыри отражена в основном в монастырских фондах ГАВО, а о ссылке в новгородские монастыри - в фонде консистории.

Говоря об информативности региональных источников, следует остановиться и на «закрытых» формулировках некоторых приговоров. Например, поп М. Стефан в 1749 г. был сослан «в Юрьев монастырь для учения»⁵⁴, поп А. Васильев в 1750 г. отправлен в монастырь «за жизнь его»⁵⁵. Другие приговоры вообще не раскрывают обстоятельств ссылки: «осужден по секретному делу»⁵⁶ или «сослан для полного раскаяния»⁵⁷. Закрытость формулировок порой не дает точно выявить детали ссылки. Так, в 1747 г. копист П. Андрианов был заключен в один из новгородских монастырей⁵⁸. В документе не указано, в какой именно. Кроме того, в некоторой отчетной документации напротив имен ссыльных имеются пустые графы⁵⁹, что подчеркивает секретность дел и ставит перед исследователем множество вопросов.

В-третьих, отличается видовой перечень региональных источников. Помимо общепринятой отчетности по ссыльным, указов и следственных дел, в каждом архиве можно найти необычные формулировки документов. Например, в ГАНО имеется «Доношение настоятелей о принятых мерах по содержанию ссыльных»⁶⁰. Весьма интересны для изучения «Поправки канцеляристов Луки Илигарева и Филимона Иванова о содержании колодников за 1746 - 1754 гг.»⁶¹. Каждый из них самостоятельно составлял ведомость о колодниках новгородских монастырей (всего описано 80 человек), где указывались полные данные о ссыльных: фамилия, имя, отчество, пол, социальное положение, вид преступления, монастырь для наказания, срок, режим содержания (оковы,

караул), вид наказания, кем и когда рассматривалось дело, факты правонарушения. Такой обширной информации о большом числе ссыльных не встречается больше нигде.

Достаточно интересны документы ГАНО по контролю за содержанием ссыльных: сопроводительные билеты, свидетельства о ссылке, подначальные свидетельства. Если в первых двух указываются выходные данные ссыльного, сроки и дата освобождения из монастыря, то в подначальных свидетельствах дается оценка поведения ссыльного. Подначальные свидетельства стали выдаваться по указу Синода с 1872 г. Они оформлялись настоятелями и выдавались на руки ссыльному по окончании наказания, либо посылались почтой по месту жительства⁶².

Среди документов ВУФ ГАВО, касающихся проблемы монастырской ссылки, можно назвать «консistorские справки о ссыльных», которые составлялись секретарем и столоначальником о заслугах и проступках обвиняемого лица⁶³; «письменные клятвенные обещания», дававшиеся по окончании ссылки⁶⁴; «Понуждения из Святейшего Синода о присылке ведомостей о сосланных в монастыри на епитимью»⁶⁵.

В ГАВО к такого рода документам можно отнести «общие приговоры о ссылке»⁶⁶; «билеты по освобождению из ссылки» для краткосрочного отпуска⁶⁷.

Таким образом, выявление новых документов регионального значения расширяет в целом комплекс источников, касающихся изучения монастырской ссылки.

В-четвертых, региональные источники отражают новые стороны использования монастырской ссылки, что помогает выявить особенности в практике применения монастырской ссылки по регионам. Так, изучая фонды ГАНО, можно заметить, что наиболее активно ссылка была распространена в XVIII в., причем среди ссыльных очень много «начальствующих» лиц духовного звания. С 1712 по 1766 гг. произведены следственные дела в отношении 15 архимандритов и игуменов, в том числе за тяжкие уголовные преступления. Все они заканчивались ссылкой в различные монастыри.

Из новгородских источников мы узнаем, что могло практиковаться досрочное освобождение из ссылки на поруки⁶⁸, освобождение от тяжелых монастырских трудов в период ссылки в случае болезни или расстройства здоровья⁶⁹ или предоставление отпуска в период ссылки⁷⁰. Свидетельства о случаях, когда монастырским ссыльным делались облегчения в режиме содержания, можно встретить и в других архивах⁷¹. Для Новгородской консистории характерно вынесение более сурового наказания, чем за аналогичные преступления в других регионах. В то же время происходит постепенное смягчение наказания. Если в XVIII в. за прелюбодеяние наказывали ссылкой до десяти лет, то в XIX в. - на 1-3 года⁷². Обращает на себя внимание

тот факт, что 50% ссыльных составляли гражданские лица: дворяне, купцы, чиновники, крестьяне, солдаты. Есть среди ссыльных и несовершеннолетние.

Документы ВУФ ГАВО позволяют выявить судебные коллизии в вопросах назначения монастырской ссылки по причине двойного судопроизводства, когда уголовные дела по духовенству одновременно рассматривали и светские, и духовные суды⁷³. В отличие от Новгородской консистории, применение монастырской ссылки Велико-Устюжской консисторией было распространено гораздо меньше. В то же время из документов этого региона мы узнаем, что осужденный мог опротестовать решение о ссылке⁷⁴, могло происходить повторное разбирательство судебного дела, при этом новое решение еще больше ужесточало режим содержания⁷⁵.

Фонды ГААО показывают, как меняются сроки ссылки по «блудным» делам⁷⁶. Весьма интересными являются документы о ссылке лиц в Холмогорский женский монастырь по подозрению в политических преступлениях⁷⁷, а также привлечение архангельских монастырей для борьбы с детской преступностью⁷⁸.

Таким образом, особенности региональных источников в изучении монастырей как пенитенциарных учреждений показывают, что для всех регионов характерно наличие не только общего видового перечня источников, но и существование редких, уникальных документов, которые доказывают, что, с одной стороны, применение монастырской ссылки в каждом регионе имело свои особенные черты, а, с другой стороны, носило комплексный характер. Разнородность использования монастырской ссылки отвечала государственным интересам. Назначение конкретного монастыря и содержания наказания определялось множеством факторов: социальным положением правонарушителя, характером совершенного преступления, удаленностью обители от центра. Работа по изучению комплекса источников в исследовании монастырской ссылки необходима для восстановления полной картины эволюции системы наказания России и критической оценки монастырей как пенитенциарных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макаров М. К. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 17. М., 1963. С. 7-18.

² ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.4991. Л.9, 14; ГАВО. Ф.1041. Оп.1. Д.21. Л.299 -711; Ф.519. Оп.1. Д.254. Л.19 - 26. Д.225. Л.4.

³ ГАНО. Ф.513. Оп.1. Д.1239. Л.1 - 5; ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.147. Л.45-47; Д.239. Л.4-5.

⁴ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.3881. Л.16, 19 об., 20. 34.

- ⁵ ГААО. Ф.29. Оп.1. Т. 1. Д.199.
- ⁶ Источниковедение истории СССР XIX - начала XX вв. / Ред. Н. Д. Федосеева. М., 1970. С.8-9.
- ⁷ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.886. Л.3.
- ⁸ ГАВО. Ф.1041. Оп.1. Д.21. Л.200.
- ⁹ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.3502. Л.2 - 9.
- ¹⁰ ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.97. Л.25-29.
- ¹¹ Там же. Д.123. Л.7.
- ¹² Там же. Д.29. Л.36-38.
- ¹³ Там же. Д.58. Л.39-40.
- ¹⁴ ГАЯО. Ф.230. Оп.1. Л.488, 1900, 2986; ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.42. Л.25 - 29.
- ¹⁵ ГАНО. Ф.480. Оп.1. Л.871. Л.3.
- ¹⁶ ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.201. Л.32.
- ¹⁷ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.886. Л.29-32; Д.3881. Л.1- 66; ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.58. Л.36,40.
- ¹⁸ Краткий словарь видов и разновидностей документов. / Под ред. А. С. Малитикова. М., 1974. С.74.
- ¹⁹ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.363. Л.27, 34 об.
- ²⁰ Там же. Д.4131. Л.5 об.-6.
- ²¹ ГАНО. Ф.513. Оп.1. Д.566. Л.3.
- ²² Там же. Л.1 об.
- ²³ Источниковедение истории СССР XIX - начала XX вв. С.9-11.
- ²⁴ Болховитинов Н. Н. Можно ли так публиковать архивные документы //Вопросы истории. 1997. № 9; Покровский Н. Н. О принципах издания документов XX в. // Вопросы истории. 1999. №. 6.
- ²⁵ ПСЗРИ - I. СПб., 1830. Т. 31. № 24590. С.613.
- ²⁶ Там же. Т. 33. № 25930. С.268.
- ²⁷ Там же. Т. 35. № 27289. С.125.
- ²⁸ Там же. Т. 38. № 29435. С.937.
- ²⁹ Там же. Т. 38. № 29711. С.1340-1341.
- ³⁰ ПСЗ - II СПб., 1830 - 1885. Т. 16. Ч.1. № 14409. С.221 - 263.
- ³¹ Полные духовные законы для православных священно- и церковнослужителей, монашествующих, благочинных, членов консисторий, архиереев и других начальствующих лиц. М., 1877. С, 252-257.
- ³² ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1, Д.4131. Л.5 об.-6.
- ³³ ПСЗРИ - I СПб., 1830. Т. 27. № 30465. С.310.
- ³⁴ ПСЗ - II. СПб., 1830 - 1885. Т. 11. № 8851; Т. 12. № 10641; Т. 22. № 21550.
- ³⁵ ПСЗРИ - I. СПб., 1830. Т. 29. № 22440. С.999.
- ³⁶ ПСЗ - II. СПб., 1830 - 1885. Т. 16. № 14709.
- ³⁷ Там же. Т. 28. № 26940. С.20-21.
- ³⁸ ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.33. Л.3.
- ³⁹ Там же. Д.195. Л.2-49.
- ⁴⁰ Там же. Д.493. Л.8.
- ⁴¹ Там же. Д.68. Л.18,21.
- ⁴² ВУФ ГАВО. Ф.438. Оп.1. Д.340.

- ⁴³ Там же. Ф.363. Оп.1. Д.4131. Л.3,6.
⁴⁴ ПСЗРИ - I. СПб., 1830. Т. 20. № 15000. С.929.
⁴⁵ ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.201. Л.32.
⁴⁶ Там же. Ф.1041. Оп.1. Д.21. Л.534; Д.42. Л.60-61.
⁴⁷ Там же. Л.635.
⁴⁸ Там же. Л.636, 636 об.
⁴⁹ Там же. Д.42. Л.139.
⁵⁰ ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.7475.
⁵¹ Там же. Д.1138. Л.1-23; Д.2299/д. Л.1- 31.
⁵² Там же. Д.74. Л.2; Д.271.
⁵³ ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.20. Л.1.
⁵⁴ Там же. Д.493. Л.9.
⁵⁵ Там же. Л.9 об.
⁵⁶ ГАНО. Ф.513. Оп.1. Д.566. Л.1-8.
⁵⁷ ГАВО. Ф.1041. Оп.1. Д.1. Л.378.
⁵⁸ ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.493. Л.8.
⁵⁹ Там же. Л.9.
⁶⁰ Там же. Д.871. Л.3.
⁶¹ Там же. Д.493. Л.3 -12 об.
⁶² Там же. Ф.523. Оп.1. Д.1338. Л.51 - 54.
⁶³ ВУФ ГАВО. Ф.363. Оп.1. Д.4991. Л.9.
⁶⁴ Там же. Л.25. Д.6111. Л.23.
⁶⁵ Там же. Д.2774. Л.23.
⁶⁶ ГАВО. Ф.519. Оп.1. Д.42. Л.77.
⁶⁷ Там же. Ф.1041. Оп.1. Д.21. Л.482-483 об.
⁶⁸ ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.381. Л.4.
⁶⁹ Там же. Ф.513. Оп.1. Д.1338. Л.25.
⁷⁰ Там же. Л.6-11.
⁷¹ ГААО. Ф.57. Оп.2. Д.321.
⁷² ГАНО. Ф.480. Оп.1. Д.871. Л.4.
⁷³ ВУФ ГАВО. Ф.363. Д.3881. Л.1 - 66; Д.476. Л.80; Д.4154; Д.5710. Л.13; Д.5760. Л.6.
⁷⁴ Там же. Д.2287. Л.1 - 8.
⁷⁵ Там же. Д.2020. Л.9 - 11.
⁷⁶ ГААО. Ф.29. Оп.3. Т. 3. Д.3277. Л.3 об. - 7.
⁷⁷ Там же. Д.3403/а.
⁷⁸ Там же. Д.3939.